

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ВИЛЛА
БЕРМОН

Петр Вяземский
Вилла Бермон

«Public Domain»

1865

Вяземский П. А.

Вилла Бермон / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1865

«Нет слов на языке человеческом, чтобы выразить чувство, которое объемлет душу при входе в этот дом, в эту комнату, святыню скорби, ныне опустевшую и безжизненную. Здесь царствует утомленная и глубокая тишина. Едва прерывает ее медленное и в полголоса чтение божественных писаний, в которые углубились благочестивый богомолец или усердная богомолка...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Петр Вяземский

Вилла Бермон

I

Нет слов на языке человеческом, чтобы выразить чувство, которое объемлет душу при входе в этот дом, в эту комнату, святыню скорби, ныне опустевшую и безжизненную. Здесь царствует утомленная и глубокая тишина. Едва прерывает ее медленное и в полголоса чтение божественных писаний, в которые углубились благочестивый богомolec или усердная богомолка. Чуть слышно движение посетителей, которые, колена преклоняя, изливают также внутреннюю молитву свою и творят задушевное и заупокойное поминание. А давно ли? Только минули девятины со дня, навсегда памятного и навсегда скорбного. Здесь совершались и окончательно совершились таинственные и сокрушительные судьбы неисповедимого Промысла. Здесь страдал и угас прекрасный Юноша, прекрасный красотою внутреннею и внешнею, надежда и любовь Семьи, олицетворенное грядущее народа, который узнал, оценил и полюбил его, когда являлся он ему из края в край обширного государства, и который сам привязался в народу чистою, сознательною и плодотворною любовью. Здесь Царственные Родители, Царская Семья, Братья, Сестра, Родственники молились, уповали, страшились, бодрствовали и от избытка скорбных чувств, изнемогая наконец, повергли пред гробом, похитившим надежды их, и пред святою волею Провидения свои покорные страдания и слезы. Здесь, с Царскою Семьею, заочно и вся Россия, помышлением и душою, теснилась в этой комнате, пред этим болезненным одром, пред этим. неумолимым гробом. Слухом сердца можно было здесь расслушать её молитвы, её сетования, её глубокие и неисчислимые рыдания. Россия окружала здесь любовью и плачем и первородного сына неутешных Родителей, и своего драгоценного сына. Стоя в этой комнате, невольно проходишь мыслью и горестью ряд впечатлений и событий, которых развязка должна была завершиться столь жестоким ударом. В минуты уныния сей удар мог иногда казаться сбыточным, но не менее того разразился он как будто неожиданно и нечаянно.

II

О здоровье Государя Цесаревича доходили в Ниццу из Флоренции тревожные вести. Наконец, в декабре месяце, прибыл он в Ниццу, и за опасениями и беспокойством о нем последовали более благоприятные впечатления. Его встречали в часы прогулок в открытом экипаже. Светлое лицо его не было омрачено никакими зловещими признаками. Слышно было, что он духом спокоен, нередко даже весел, обращает живое внимание на все события, совершающиеся в России, и на движения общей политики в Европе, следит за современными явлениями Русской литературы. Как было не надеяться, что молодость возьмет свое? Как было не верить в южное небо, в благотворный воздух, в теплый и умеренный климат? Хотя в прошлую зиму Ницца и не всегда соответствовала хвалебной молве о ней, но все же выдавались нередко светлые и едва-ли не летние дни, когда в других южных странах свирепствовали необычайные холода и непогоды. Казалось, что все эти пособия благодетельной природы вернее и целительнее, нежели всякое искусное врачевание, должны окончательно восстановить здоровье и силы его. Между тем, эта надежда бывала по временам возмущаема известиями, что Великий Князь худо ночь провел, более страдал, более расстроен нервами. Но вслед за угрожающими признаками обнаруживались другие, казалось совершенно успокоительные. Так шли дни и недели среди неожиданных испугов и опасений, среди надежд и умиротворяющих впечатлений. Наконец, когда это перемежающееся состояние упорною продолжительностью своею поколебало уверенность и надежды, вызваны были из Парижа две Европейские врачебные знаменитости: Нелатон и Рейе. Ошибочно ли было их воззрение, таившаяся ли болезнь не достигла еще несомненной степени развития, как бы то ни было – и не нам, не посвященным в таинства науки, излагать в этом случае свой приговор – но, к общему успокоению, к общей радости, Парижские врачи утвердительно, и без сомнения добросовестно, объявили, что болезнь Цесаревича не являет никакой опасности, что он страдает единственно простудным ревматизмом, который не может вскоре искорениться; но что лето и лечение на водах одержат решительную победу и не оставят ни малейших следов настоящего недуга. Нарекания здесь неуместны и во всяком случае были бы бесполезны. Остается только скорбеть о том, что наука, имеющая предметом изучение человеческого тела и организма его, пекущаяся о жизни и здоровье ближнего, так часто бывает сбивчива в своих воззрениях и так разноречива в суждениях своих.

III

По приезде своем в Ниццу, Государь Цесаревич жил в *вилле Гизбах*, на так называемой *Прогулке Англичан*. Близость моря, которое могло содействовать раздражению нервов и бессонницам, возбудила опасение врачей. Великий Князь переехал в *виллу Бермон*, которая садом соединяется с виллою, местопребыванием Императрицы. Дом стоит на возвышении и в отдалении от моря. Можно было думать, что это новое помещение будет благоприятнее здоровью страждущего. И в самом деле показались сначала некоторые изменения к лучшему. Но это лучшее было неблагонадежно и также изменчиво, как и прежние. После многих промежутков и перемирий в таинственной борьбе, которая то явно, то скрытно подвигалась в своей неизбежной цели, опасения все более и более возрастали. Наконец роковая истина предстала во всей зловещей и убедительной наготе. Настало Светлое Воскресение. В этот торжественный и радостный для всей христианской братии день, надежда снова, но уже в последний раз, озарила и оживила сердца. Вместе с христианским православным приветствием, все передавали друг другу радостную весть: Наследник ночь провел хорошо, лихорадочные признаки исчезли, и если это состояние продолжится несколько дней, то можно надеяться на спасение. Но этот обманчиво радостный день был предтечею злополучного дня. В понедельник, во время обедни, разнесся в церкви слух, что Великому Князю очень худо. По окончании священной литургии, совершено было заздравное молебствие. Горесть и страх поразили все сердца. Теплые молитвы изливались вместе с слезами. В продолжение недели молебствия совершались два раза в день. Стечение усердных молельщиков было всегда многолюдно и наполняло Божий храм. С каждым днем молитвы были теплее, слезы были обильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.